

Николай РУССЕВ

МОЛДАВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ФЕОКТИСТ СТАРЫЙ: ОЦЕНКИ ДИМИТРИЯ КАНТЕМИРА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

В истории, в том числе и молдавской, есть много имен, несправедливо обделенных вниманием исследователей. Причины тому разные. Одни личности скрыты в тени более знаменитых современников. О других не пишут в силу конъюнктурных соображений. Третьи прозябают на задворках научных интересов из-за поспешно навешанных на них нелицеприятных ярлыков. Сложнее всего, когда перечисленные факторы действуют в совокупности. Их суммарный вектор способствует закреплению в историографии ошибочных мнений, которые затем долго являются источником искаженных оценок и эмоционального отторжения героев прошлого.

Таков, на мой взгляд, случай незаслуженно забытого митрополита Феоктиста, четверть века (до конца 1478 г.) возглавлявшего молдавскую церковь. От взглядов ученых его заслоняла фигура Стефана Великого (1457-1504). На протяжении десятилетий митрополита не жаловали историки-атеисты Молдавской ССР и социалистической Румынии. Наконец, определенно отрицательное значение имели и высказывания в адрес Феоктиста Димитрия Кантемира, довольно часто воспринимавшиеся буквально. Между тем, только нарушив «хрестоматийный глянец» образа выдающегося господаря и ученого Молдавии начала XVIII в., можно за общепризнанным величием хотя бы в полглаза увидеть живого человека. Наконец настало время воздать должное другому нашему соотечественнику, рассеивая заблуждения ушедших столетий.

В «Описании Молдавии» Димитрий Кантемир только один раз называет имя Феоктиста: *«До Флорентийского собора молдаване пользовались латинскими буквами по примеру других народов, которые, имея в основе римскую речь, исказили ее. Но после того как на этом соборе молдавский митрополит перешел на сторону латинян, о чем мы говорили выше, его преемник по имени Феоктист, дьякон Марка Эфесского, родом болгарин, посоветовал Александру Доброму изгнать из своего княжества не только людей инакомыслящих в вопросах веры, но и латинский алфа-*

вит заменить славянским, дабы окончательно искоренить в молдавской церкви латинскую закваску и отнять у молодого поколения случай к чтению латинских софизмов. Из-за этого излишнего и неуместного рвения он стал первым, кто увековечил необразованность, в которой Молдавия пребывает и по сей день» (Димитрий Кантемир 1973: 189-190).

В этом отрывке имеются серьезные фактические неточности. Во-первых, Флорентийский собор, объединивший под верховенством папы православную и католическую церкви, имел место не во время правления Александра Доброго (1400-1432), а в 1438-1445 гг. Уния была подписана в июле 1439 г. Во-вторых, Феоктист стал митрополитом Молдавии не при Александре Добром, а при его внуке Александре II (Александреле), спустя более чем два десятилетия. В-третьих, латинский алфавит не мог быть заменен кириллическим после Флорентийского собора, поскольку славянская письменность, а равно язык стали основными и официальными задолго до этого, одновременно с оформлением государственности средневековой Молдавии. Сказанное делает абсолютно беспочвенными нападки Димитрия Кантемира на митрополита эпохи Стефана Великого как на виновника многовекового невежества страны.

Однако в произведении имеется и другой пассаж о Флорентийском соборе, вызвавшем существенные перемены в положении молдавской церкви. Здесь о Феоктисте и его предшественнике Дамиане говорится без упоминания имен: *«На этом соборе митрополит, человек простой и малосведущий в священном писании, принял обещанную ему честь седьмого митрополичьего престола и другие почести, предложенные папой, и, хотя бывшие с ним послы Александра Доброго, молдавского господаря, противились лицемерным и лукавым решениям собора, подписал их, но после окончания собора не осмелился вернуться в Молдавию. Тогда архиепископ Эфесский Марк поставил митрополитом Молдавии своего архидьякона, родом болгарина, человека известного своим благочестием и крепостью в вере, и так как Константинопольский патриарх перешел во враждебный лагерь, то повелел ему получать подтверждение своей власти у Охридского патриарха»* (Димитрий Кантемир 1973: 179).

Хотя характеристики Феоктиста кратки и неоднозначны, совершенно ясно, что речь идет о незаурядной личности. Митрополит болгарского происхождения был прямо связан с высшим духовенством православного мира. Кроме того, он имел огромное влияние на господаря Молдавии не только как официально признанное второе лицо в государстве, но и в силу своего высокого неформального авторитета. Соб-

ственно говоря, живший на 250 лет позднее Димитрий Кантемир подтверждает истинность такого рода суждений. Современным историкам предстоит лишь ответить на главный вопрос: **какую роль на самом деле сыграл иерарх в истории Молдавии?**

Причина ошибочных утверждений Димитрия Кантемира состоит не только в умозрительных попытках решить нелогичные с точки зрения кабинетного интеллектуала зигзаги молдавской истории, но главным образом во вторичности используемых им источников. Один из них – «Летопись Земли Молдавской» Григоре Уреке. Написанное на молдавском языке в первой половине XVII в. сочинение дошло до нас в переработанном варианте, принадлежащем более поздним копиистам (см. Руссев 1982: 89-95). В нем содержится информация, которой и воспользовался автор «Описания Молдавии». В частности, о том, что в годы правления господаря Александра Доброго и сербского князя Георгия-деспота Охридский патриарх назначил молдавским митрополитом Феоктиста, а также о Флорентийском соборе и выступившем против его решений митрополите эфесском Марке († 1457 г.). Вместе с тем, в тексте летописи имеются данные, вероятно, не вызвавшие большого интереса у Димитрия Кантемира. Например, о церемонии помазания Стефана Великого, перед которой Феоктист спросил собравшихся, все ли согласны поддержать нового господаря. Кроме того, летописец сообщает об освящении молдавским митрополитом монастыря Путна, ктитором которого являлся Стефан, а также о смерти владыки (Григоре Уреке 1971: 70, 74, 75, 81, 86, 90, 99).

Наиболее конкретны и пространны данные о митрополите, вошедшие в состав самых близких к годам его жизни славяно-молдавских летописей XV – начала XVI в. Они показывают, что Феоктист стал во главе молдавской церкви при господаре Александреле, но его 25-летняя митрополичья деятельность в основном пришлась на первую половину правления Стефана Великого. Летописцы, иногда называющие Феоктиста «Старым», освещают целый ряд событий, к которым был прямо причастен иерарх.

Последовательная хронология этих свидетельств, приводимых в текстах по летосчислению от сотворения мира, выстраивается следующим образом.

Самое раннее известие относится к **1453 г.**, когда *«в дни Александрела, сына Илиаша воеводы»* произошло рукоположение иерарха: *«Освятился кир Феоктист на митрополитство патриархом Никодимом Сербским»*. Уточняется, что тогда в Сербской земле правил *«благочестивый деспот Георгий»*, которого молдавско-польская летопись называет *«король Юрий деспот»* (СМЛ 1976: 61, 63, 68, 117). Дата хиротонии митрополита восстановлена по сообщениям о

продолжительности пребывания Феоктиста в сане и времени его смерти.

Другие летописные данные приходятся уже на время правления Стефана.

В 6965 г. (1457) в Молдавию *«от Мунтень»* пришел сын убитого господаря Богдана и заявил о своих правах на престол, дважды разгромив отряды Петра Арона. Показательно, что активная часть молдавского общества практически сразу же вышла из повиновения братоубийце и перешла на сторону молодого воеводы. Согласно двум Путнянским летописям, *«потом собралась со светлейшим митрополитом кир Феоктистом вся Земля и помазал его на господство...»* (СМЛ 1976: 63, 69).

В 6973 г. (1465), как сообщает т.н. Бистрицкая летопись, Стефан Великий со второй попытки завоевал стратегически важную дунайскую крепость Килию, уступленную его предшественниками Венгрии. Затем, вернувшись с победой в свою столицу Сучаву, господарь устроил по этому случаю торжества. В частности, он *«повелел митрополитам и епископам своим и всем цереям благодарить бога о бывшем ему даровании от вышнего бога Саваофа»* (СМЛ 1976: 26). Таким образом, в практику входили чествования военных свершений господаря, в организации и проведении которых особая роль отводилась митрополиту.

Это подтверждает еще одно событие. Согласно летописям 3 сентября 6978 г. (1470), сразу после победы молдавских войск над татарами у Днестрабыл освящен *«с помощью божьей рукою преосвященного митрополита кир Феоктиста и епископа Тарасия»* храм пресвятой Богородицы в созданной Стефаном монастырской обители Путна. В заранее продуманной пышной церемонии принимали участие 64 представителя высшего духовенства (СМЛ 1976: 64, 70, 118).

День 23 ноября 6981 г. (1473) ознаменовался взятием молдаванами валашской столицы Дымбовица (на месте современного Бухареста). Когда господарь во главе доблестного воинства возвратился домой, *«тогда митрополит со всем клириком церковным чудное и дивное сретенье сотворили»*. В свою очередь благодарный Стефан *«гостьбу великую сотворил митрополиту и витязям своим»* (СМЛ 1976: 27-28).

Едва ли не самую замечательную победу молдавское войско под предводительством Стефана Великого одержало 10 января 6983 г. (1475) при Васлуе, наголову разгромив многократно численно превосходящие силы османов и их союзников. На этот раз господаря встречали в Сучаве как настоящего триумфатора. Летописец, не скрывая восторга, довольно пространно рассказывает о торжествах, состояв-

шихся в молдавской столице. *«Вышли ему навстречу митрополит и иереи, несущие святое евангелие в руках и служащие и хвалящие бога о бывшем даровании от вышнего, и благословляющие царя: «Да живет царь!» И было тогда веселье в народе и всем окольным правителям и православным всем христианам, что победил господь поганые племена рукою раба своего Иоанна Стефана воеводы. А сам Стефан воевода тогда гостьбу великую сотворил митрополитам и витязям своим и всем боярам своим от велика и до мала. И дары многие тогда даровал всему войску своему и восхвалял бога о бывшем»* (СМЛ 1976: 28-29).

Последнее летописное известие о владыке фиксирует дату его кончины – 8 ноября 6985 г. (1478): *«Преставился преосвященный митрополит кир Феоктист старый»* (СМЛ 1976: 61, 65, 71).

В молдавских внутренних грамотах имя Феоктиста появилось при Петре Ароне. В текстах 13 из 16 документов, сохранившихся за период с июня 1455 г. по июнь 1456 г., митрополит назван сразу после господаря. Содержание актового материала, касающегося в основном земельных пожалований, показывает, что митрополит занимал важное место не только в духовной, но и в светской жизни страны. По всей вероятности, его мнение в значительной мере определило решение, принятое знатью на собрании 5 июня 1456 г. Тогда под давлением султанской администрации собравшаяся в Васлуе верхушка молдавского общества согласилась выплачивать ежегодную дань туркам в размере 2000 венгерских золотых (DRHA 1976: 66-91. Nr. 46-61).

С приходом к власти Стефана Великого Феоктист продолжал фигурировать в текстах господарских актов, однако с заметно меньшим постоянством. Из дошедших до наших дней 134 грамот, охватывающих первую треть правления господаря – до 14 октября 1473 г., иерарх упоминается только в 41. При этом за 1458-1462 гг. его имя встречается в 20 случаях из 62, а за вдвое более продолжительный последующий период (1463-1473 гг.) в 21 – из 82. Митрополит все реже принимал участие в повседневной жизни страны, нашедшей отражение в грамотах, а затем имя Феоктиста и вовсе исчезло из документов молдавской придворной канцелярии (DRHA 1976: 93-294. Nr. 62-195).

Аналогичное явление наблюдается и при рассмотрении актового материала, связанного с внешней политикой Молдавии.

Уже весной 1458 г. Стефан выдал грамоту о торговых привилегиях *«всем брашовянам и всем купцам всей Земли Бырсы, чтобы у них был от нас тот закон и то право, которые у них были от нашего деда, от Александра воеводы»*. Гарантами соблюдения установленных норм выступили митрополит Феоктист и 15 бояр. В 1460 г. господарь дал подобные права и купцам из Львова на основа-

нии принесенного ими старого документа его дяди, Стефана II. Новые привилегии утвердили *«наш митрополит»* и *«града молдавская»* – всего более 20 самых влиятельных в стране лиц (Bogdan 1913: 261-262; 271-277. Nr. CXXXV, CXXXVIII).

Роль митрополита как настоящего лидера Молдавии проявилась в ходе налаживания отношений с Польшей. В начале марта 1462 г. духовная и светская верхушка молдавского общества во главе с Феоктистом присягнула Казимиру: *«Будем держать нашего милого господаря Стефана воеводу так, чтобы был верен и покорен к господарю нашему королю, его милости и к святой короне Польской»*. Уповая на бога, они заверили короля, что не посмеют *«иногo господаря себе не искать или выдвигать»*. Сказанное в грамоте было скреплено 11 печатями, среди которых центральное место занимает митрополичья, отличающаяся изяществом исполнения. В 1468 г. Стефан и *«со всей нашей верной радой молдавской и со всеми нашими подданными и со всем посольством Волоской Земли»* вновь принял вассальные обязательства перед польским королем Казимиром и обещал *«их милости верны и подданы быть на веки»* подобно своему деду, Александру Доброму. И в этом случае рядом с господарем был митрополит (Bogdan 1913: 288-290, 300-301. Nr. CXXX, CXXXV).

Феоктист выступал одним из главных гарантов безопасности в истории с логофетом Михаилом (Михулом) – видным молдавским боярином, сбежавшим за рубеж в 1457 г. вместе с Петром Ароном. Стефан Великий в течение многих лет пытался вернуть этого человека из Польши на родину, обещая *«без лести и всякой хитрости»* восстановить справедливость – взять на службу и вернуть конфискованные у него владения. Господарь заверил: *«Ни одну пакость не будем вспоминать, не мы сами и также не бояре наши»*. Об этом говорится в грамотах 1460, 1468 и 1470 гг. Причем в каждом из документов в свидетели искренности намерений правителя прежде других призывался митрополит, высокий авторитет которого, очевидно, был непрекаемым (Bogdan 1913: 269-270, 305-307, 309-310. Nr. CXXXVII, CXXXVI, CXXXVIII).

Вместе с тем, господарские грамоты совершенно четко показывают начавшее происходить примерно за восемь лет до смерти Феоктиста отдаление его от официальной повседневности Молдавского государства. На мой взгляд, этот факт невозможно объяснить простой причиной. Если даже митрополита на склоне лет и одолевали болезни, то это едва ли мешало ему хотя бы изредка участвовать в заседаниях боярской рады. Однако присутствие Феоктиста на таких собраниях 1471-1473 гг. отмечено лишь трижды (DRHA 1976: 258-259, 272-273, 294. Nr. 175, 184, 195). В дальнейшем господарские грамоты переста-

ли упоминать его имя. Вместе с тем, летописи отметили, что митрополит являлся главным организатором торжеств в честь военных побед Стефана в 1473 и 1475 гг. (СМЛ 1976: 27-29). Это дает право сомневаться в его совершенной немощи.

Не думаю, чтобы причиной молчания источников могло быть и охлаждение личных отношений митрополита с господарем. Напротив, есть основания утверждать, что Стефан всю жизнь относился к Феоктисту с большим почтением. Об этом свидетельствует великолепное надгробие, сооруженное над могилой владыки в монастыре Путна. Помпезная эпитафия гласит: «+ *Благочестивый господарь Земли Молдавской, Ио Стефан воевода, сын Богдана воеводы, украсил гроб этот отцу нашему, митрополиту Сучавскому, преосвященному кир Феоктисту, который преставился в лето 6986 (1478), месяца ноября 18*» (РМОА 1958: 248. Nr. 52). В этой лапидарной надписи бросается в глаза необязательное словосочетание «отцу нашему», которым, как представляется, в официальную форму облечена почти родственная привязанность воеводы к священнослужителю.

Конечно, в христианской культуре слово «отец» метафорично расширено – от понятия «Бог-отец» до обращения к духовному лицу – «отче» (см. Воденичаров 2003: 18). При этом нельзя не отметить, что в двух документах 1464 и 1465 гг. молодой Стефан именовал главу молдавской церкви еще более выразительно – не иначе как «родитель наш» (DRHA 1976: 176-177, 183. Nr. 123, 128). Насколько мне известно, из всех церковных иерархов той эпохи такой чести удостоивался только знаменитый митрополит конца XIV – начала XV вв. «*Иосиф молдовлахийский*», происходивший из правящей династии Мушатинов. Причем посмертно. Господарь Ильяш грамотой 23 февраля 1438 г. засвидетельствовал, что сделал пожалование монастырю Нямец за упокой своих родителей, а также «*за душу святопочившего родителя нашего, еже по святому Духу, Иосифа митрополита...*» (DRHA 1975: 254. Nr. 180, а также см. 29. Nr. 21).

Кроме двух высших и, надо думать, наиболее авторитетных духовных руководителей страны, молдавские господа XV в. так именовали героя антиосманской борьбы, венгерского правителя Яноша Хуньяди (1446-1453). В направленных к нему грамотах Богдан II и Александрел очень часто используют обращения «*отец*» или «*родитель*». Например, в феврале 1450 г. Богдан II давал вассальные обязательства «*милому родителю, Янышу от Хунидия (...) да быхмо были ему в сыны (...) да есть нам родитель*» (DRHD 1977: 410-412. Nr. 300).

Стало быть, по сведениям основного фонда молдавских источников, упоминающих о Феоктисте, митрополит предстает фигурой весь-

ма значительной. С тех пор как в 1457 г. «с помощью божьей» помазал занявшего престол молодого Стефана, он в течение более двух десятилетий всячески оказывал поддержку воеводе. На мой взгляд, как раз поэтому отношение господаря, еще в юности лишившегося отеческого внимания, к владыке документы неоднократно выразили определениями «отец» и «родитель», то есть в терминологии иерархии условного родства.

Кроме того, признаки этого тесного и долгого сотрудничества отразило проникновение в официальное летописание нового титула господаря. Стефан – единственный из господарей Молдавии, которого летопись дважды прямо называет «царем» – 1471 и 1475 гг. (СМЛ 1976: 24, 27, 28-29). Так же именуется он и в надписи на Хоморском четвероевангелии 1473 г. (РМОА 1958: 388). О «царе Стефане» говорит и приписка 1484 г., сделанная неким «грешным человеком» к находящемуся теперь в Киеве октоиху XV в. (ИД 2004: 372-373). Представляется, что первую партию в обосновании притязаний молдавского господаря на царский титул играл никто иной, как митрополит Феоктист.

Однако на пути к осуществлению этих амбициозных намерений возникли два труднопреодолимых препятствия. С одной стороны, кандидат на корону высшего достоинства должен быть связан узами родства с императорским семейством. С другой, церемонию венчания на царство мог совершить только патриарх, а учреждение новой патриархии требовало согласия православных иерархов Александрии, Антиохии, Иерусалима... По объективным причинам выполнение этих обязательных условий было нереальным.

Тем не менее, показания современников, касающиеся данного вопроса, однозначны – в 60-70-е гг. XV в. делались серьезные и временами небезуспешные усилия, чтобы изменить фатальные для Молдавии обстоятельства.

В какой-то мере право господаря на царский титул утвердил династический союз, заключение которого для уже неоднократно состоявшего в браке господаря без активного участия митрополита было невозможно. Как сообщает летопись, 14 сентября 1472 г. «взял себе Стефан воевода жену, Марию из Мангона, царство там было с перекопским царем христианское» (СМЛ 1976: 118). Мария, умершая в декабре 1477 г., действительно происходила из рода Палеологов. На это указывают двуглавые орлы, монограммы и надписи, вышитые на ее погребальном покрывале (РМОА 1958: 288-290).

Молдавский воевода всего на два месяца опередил с женитьбой своего будущего свата, великого московского князя Ивана Васильевича (1462-1505), обвенчавшегося с византийской принцессой Софией

Палеолог 12 ноября 1472 г. В качестве «приданного» невесты Запад в лице папы римского и его венецианских партнеров предложил русскому правителю *«Восточную империю»* (Скржинская 2000: 188-213, 267-272).

Возможностей для решения второй проблемы было еще меньше. Византийский тип правления, нередко называемый «цезарепапизмом», подразумевал совмещение императором функций светского правителя и верховного понтифика. Достаточно сказать, что рукоположение вселенского патриарха могло произойти только после выдвижения его кандидатуры базилиевом. Фетишизация власти правителя во взаимодействии государства и церкви в значительной мере обусловила сходство христианских сообществ Востока эпохи средневековья. Православие в отличие от католичества не задерживало процесс создания локальных политических образований, а программировало превращение «филиалов» общей церковной организации в неотъемлемые институты новых государств (Дагрон 2006: 345).

Хорошо известно, что имперскую идеологию Византии – «ромейский ойкуменизм» – в наиболее полном виде восприняли Болгария и Сербия. Именно в этих славянских государствах Балкан особенно ярко прослеживается стремление к харизматизации власти светских правителей (Лазаров, Павлов 1992: 230-232). И в обоих случаях им приходилось ломать ожесточенное сопротивление Цареграда. В частности, Стефан Душан (1331-1371) после ряда военных побед совершил ради основания нового царства политический переворот. Ставка была сделана на духовенство завоеванных византийских владений и святогорские монастыри. В 1346 г. в Скопье он принял венец «царя ромеев и сербов» от патриарха, избранного накануне на созванном там же соборе. Любопытно, что, так и не завоевав Константинополь, вскоре после коронации базилиев-серб отправился на Афон и около четырех месяцев там богомольствовал (Васильев 1998).

Во времена Стефана Великого общее положение православного мира в корне переменялась. 29 мая 1453 г. рассыпалась давно расшатанная общественно-государственная структура империи, державшаяся на двух идеях – «второго Рима» и христианской ойкумены (см. Поляковская 2003: 191). Конец Константинополя обозначил «гибель ойкумены, идеального этического здания восточного христианства» (Алексеев 1994: 19). Поэтому спустя два десятилетия многим предводителям «осиротевшего» православного христианства Стефан, ополчившийся против османских завоевателей, казался земным воплощением святого воина и единственным светским правителем, достойным царского титула.

Быстрое восприятие Молдавией политической символики Византии и славянских царств объяснимо влиянием балканских единоверцев,

очень часто находивших спасение от исламского господства и ползучего униатства на левобережье Дуная. Таковым, по всей видимости, был и Феоктист. Вскоре после Флорентийского собора он, вероятно, не без помощи митрополита эфесского Марка, подвизался в Молдавии в качестве игумена монастыря Нямец, прочные болгарские традиции в котором прослеживаются со времени основания (Бойчева 1992: 85-87; Павлов 2004: 30).

Позднее Феоктист и православные интеллектуалы из его ближайшего окружения создали культ небесного защитника престола – Св. Георгия. Благодаря этому все более отличавшийся своей христологией и победами над неверными господарь Стефан постепенно стал восприниматься не только как равный византийским императорам, царям Болгарии и Сербии, но и как их законный преемник (Атанасов 2001: 225-240).

Вовсе не случайно в монастыре Путна, находившемся под непосредственным патронатом господаря и митрополита, в разгар противостояния с турками – 1474 г. – Стефан лично *«повеле исписати»* копию «Похвального слова о Константине и Елене», принадлежащего перу замечательного болгарского книжника патриарха Евфимия (1375-1393). В новой исторической обстановке произведение переосмысливало образ основателя Восточной Римской империи Константина Великого (306-337). *«Храбрый душой»* христианский правитель изображался защитником веры от варваров, а ключевое слово сочинения *«царь»* оказалось синонимичным метафоре *«солнце»*. «Слово» адресовалось, прежде всего, близким ко двору образованным светским людям и призвано было консолидировать молдавское общество вокруг господаря перед лицом смертельно опасного натиска иноверцев (Русев 1983: 81-83, 107-110; Бойчева 1992: 88).

Все эти превращения не могли бы произойти без участия «малой вселенной православия» – Афона. Именно святогорские монастыри, равно как и восточные патриархи, без колебаний выступили против нечестивой унии с католической церковью. Сюда в конце жизни стремился Марк Эфесский – единственный из представителей высшего православного Востока, который на соборе во Флоренции наотрез отказался подписаться под соглашением о воссоединении церквей (Амвросий 1994: 321-328; Тютюнджиев 2007: 126-129). С афонскими старцами был, очевидно, тесно связан и служивший некогда архидьяконом Марка Феоктист (Божилев 1995: 354; Павлов 2004: 29).

Сказанное помогает понять причины щедрой поддержки Стефаном Великим обителей Святой Горы. Более всего господарь опекал Зографскую обитель с храмом Св. Георгия. Первая грамота, сообщающая об этом, датирована 1466 г. Причем уже в ней употреблен оборот

«монастырь наш Зограф». На время пребывания Феоктиса в сане митрополита Молдавии (1471 г.) приходится еще один документ такого рода (DRHA 1976: 191-192, 261). Обращает на себя внимание то, что именно зографские монахи хранили культ покровителя царей – Георгия Победоносца (Атанасов 2000: 292-293), а молдавский анонимный летописец примерно в те же годы начал величать Стефана «царем», а также «победоносцем» (СМЛ 1976: 28, 30).

В данном контексте чрезвычайно интересна и печать Феоктиса, оттиск которой сохранился при грамоте от 2 марта 1462 г. В ее верхней части изображен Иисус Христос, по обе стороны от которого помещена надпись IC – XC. Иконография нижней половины композиции куда более красноречива – св. Георгий в нимбе и разделенная легенда GE – OP (Bogdan 1913: 288-290). Трудно не увидеть в ней указание на зографские ориентиры молдавского митрополита.

* * *

Моя точка зрения состоит в том, что митрополит Феоктис заодно со Стефаном Великим взял на себя огромную ответственность – вывести Молдавию на опустевший после падения Византийской империи пьедестал единственного православного царства. При этом ставка делалась на громкие военные успехи господаря и поддержку православных братств, прежде всего, Афона. Однако провозглашение господаря «царем» явочным порядком никак не способствовало мобилизации христианского мира на победную схватку с османами. Феоктис, по всей видимости, желавший стать патриархом и по праву возвести в царское достоинство Стефана, не мог добиться необходимой для этого автокефалии церкви. «Византийство» обезоруженных единоверцев одолеть было столь же трудно, как и остановить наступательный порыв вооруженных неверных. Оставалось уповать только на бога...

Возникший в Молдавии «имперский проект» провалился. В этом была не вина, а беда господаря и митрополита. В критический момент определяющими для будущего страны оказались не личные качества ее руководителей, а внешние факторы. Обо всем этом, кажется, даже не задумывался Димитрий Кантемир, излагая свои соображения о роли Феоктиса Старого в молдавской истории.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1994. Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 1 (№2). С. 12-25.

Амвросий 1994. – Архимандрит Амвросий (Погодин). Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М. // http://www.krotov.info/history/15/1/pogodin_00.htm

Атанасов Г. 2000. Иконография образа «святой Георгий на троне» в средние века // *Stratum plus*. № 6. С. 290-296.

Атанасов Г. 2001. Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през Средновековието. Варна.

Божилев И. 1995. Българите във Византийската империя. София.

Бойчева П. 1992. Към въпроса за участието на среднобългарската литература в църковно-политическия живот на Молдова през XVI-XVI в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. I. Велико Търново. С. 82-91.

Васильев А.А. 1998. История Византийской империи. Т. 2: От крестовых походов до падения Константинополя. СПб. // <http://www.kulichki.com/~gumilev/VAA/vaa233.htm>

Воденичаров П. 2003. Социоллингвистика. Критика на езиковите идеологии и идентичности. София.

Григоре Уреке 1971. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу.

Дагрон Ж. 2006. Императорът и свещеникът. Етюд върху византийския «цезаропапизъм». София.

Димитрий Кантемир 1973. Описание Молдавии. Кишинев.

ИД 2004. – История на Добруджа. Т. 2: Средновековие. Велико Търново.

Лазаров И., Павлов П. 1992. Власть и авторитет в средновековой Болгарии XII – XIV вв. (в контексте влияния Византии) // *Byzantinoslavica*. Т. LIII. № 2. P. 228-232.

Павлов П. 2004. Византийско-българският културен модел в средновековна Молдова (XIV–XV в.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VIII. Велико Търново. С. 167-178.

Поляковская М.А. 2003. Византия, византийци, византинисти. Екатеринбург.

Русев П. 1983. Естетика и майсторството на писатели от Евтимиевата книжовна школа. София.

Русев Е.М. 1982. Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев.

Русев Н.Д., Кроитор Ж.Б., Лазо Ю.В. 2003/4. Стефан Великий в обстоятельствах времени (антропологические эскизы) // *Stratum plus*. № 6. С. 19-62.

Скржинская Е. Ч. 2000. Русь, Италия и Византия в средновековье. СПб.

СМЛ 1976. – Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М.

Тютюнджиев И. 2007. Търновската митрополия през XV–XIX в. Велико Търново.

Bogdan I. 1913. Documentele lui Șefan cel Mare. Vol. II. București.

RMOA 1958. – Repertoriul monumentelor și obiectelor de artă din timpul lui Șefan cel Mare. București.

DRHA 1975, 1976. – Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I, II. București.

DRHD 1977. – Documenta Romaniae Historica. D. Relații între tarile române. Vol. I. București.